О МОЁМ УЧИТЕЛЕ

Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.
В.А. Жуковский

Писать воспоминания о ком-то трудно. Прежде всего, наверное, потому, что при этом невозможно не писать о самом себе. А уж писать о человеке, который находился на недосягаемой для многих из нас высоте, ещё и очень ответственно.

О Леониде Исааковиче Ройзмане как о музыканте пишут многие; мои же «зарисовки» скорее о нём как о человеке.

Известно, что все мы вспоминаем людей по-разному, каждый по-своему, в зависимости от сложившихся отношений. Л.И. был человеком сложным и раскрывался каждому из нас разными сторонами. Тот, кто не был достаточно хорошо знаком с ним, не может составить себе полное представление об этом человеке.

Что касается меня — я его просто любила таким, каким он был. Любого: увлечённого работой с учениками, сурового, иногда жёсткого; сильного и

вдохновенного на своих концертах и лекциях; слабого и раздражительного при плохом самочувствии.

Мне посчастливилось больше 25 лет быть рядом с ним, а после того, как он ушёл из жизни, в каком-то смысле я остаюсь порой в ещё более тесном контакте с ним.

Память хранит массу мозаичных, не связанных друг с другом эпизодов.

Вот, например, день моего выпускного экзамена в музыкальном училище, день, который никогда не изгладится из памяти, хотя с тех пор прошло почти 50 лет. Я стою у входа в концертный зал ещё старого здания училища. Я — следующая. Но объявляют перерыв, дверь зала распахивается, выходит председатель жюри — Л.И. Ройзман. Как всегда с высоко поднятой головой, казалось несколько надменный, необыкновенно подтянутый, в безукоризненно отглаженном костюме, с красиво завязанным галстуком… (За четыре года до этого я, совсем ещё девочкой, одна, прилетела в Москву из Якутии. Там в музыкальной школе, я думала, что никто не играет лучше меня, но за время моего пребывания в Москве, я поутратила свою якутскую самоуверенность). Возвращаясь в зал после перерыва, Л.И. взглядом подбадривает меня, едва заметно улыбается. И моё жуткое волнение вдруг сменяется желанием сыграть, и сыграть как можно лучше… Это моя первая, бессловесная встреча с Л.И. Через 2 месяца я уже буду его ученицей в Московской консерватории.

...Перебирая запомнившееся, вижу консерваторское общежитие. Я больна, не смогла пойти на урок к Л.И. Вдруг приходит моя подруга, тоже его ученица и приносит мне громадный пакет с апельсинами. Профессор, узнав, что я больна, попросил купить их для меня… Витамины!

...И ещё один гастрономический эпизод. Л.И., недавно выписавшись из больницы, занимается со мной в своём классе. Ненадолго приостанавливает урок, чтобы перекусить (дробное питание по предписанию врача), и предлагает мне разделить его бутерброд. Я отмахиваюсь: «Что Вы, что Вы! Я абсолютно сыта!». «Деточка, — членораздельно произносит Л.И., — я ведь Вам не предлагаю кровавый бифштекс, это всего лишь хлеб с сыром».

...Мы, три ученицы Л.И., первокурсницы, навещаем его в больнице. Ему разрешено впервые выйти на воздух, он сидит на скамеечке, рядом его жена, Лариса

*Васильевна Мохель. Он бледен. Несмотря на боль, пытается шутить. Шутит даже на тему своей смерти. Лариса Васильевна резко пресекает эти шутки. Я удивлена — кто-то **ему** может сделать замечание…*

…Мы сидим на кухне с Ларисой Васильевной, мне нужно в очередной раз с нею посоветоваться. Звонок в дверь. Это Л.И. вернулся домой из длительной концертной поездки. Лариса Васильевна идёт к двери. Я выглядываю в коридор и вижу, с каким трепетом, с какой любовью Л.И. целует руку жены.

*…Мой первый урок у Л.И. Мы — студенты первого курса консерватории — неделю назад вернулись в Москву после месячной работы в колхозе. Всю неделю я занимаюсь на рояле по 6-8 часов, хочу удивить профессора. Играю этюд Шопена. И оказывается, что всё не так. Педагог мною страшно недоволен и нисколько не скрывает этого. Последующие уроки проходят примерно в том же ключе. От огорчения, от непривычки к такой степени «придирчивости» и к такой форме её выражения, теряю веру в себя, впадаю в отчаяние. Иду поплакаться моему бывшему педагогу в музыкальном училище Н.Л. Фишману. Натан Львович советует терпеть и просто продолжать, как всегда много работать. Я смиряюсь и следую его совету. Много позже я поняла, **что** больше всего раздражало Л.И. Его возмущало наше ученическое небрежение к пожеланиям автора. Тут мне вспомнился разговор одного моего друга с Филиппом Моисеевичем Гершковичем. Умнейший Филипп Моисеевич, человек горячий, сказал ему: «Исполнители вообще не нужны! Я их ненавижу за отсебятину».*

…Лариса Васильевна и Леонид Исаакович у нас в гостях. Разглядывают только что родившегося нашего второго сына, умиляются его крошечным ручкам и ножкам. За месяц до этого Л.И. на наш вопрос, как они относятся к тому, чтобы назвать мальчика Платоном, присылает телеграмму из Пярну с юмористическим стихотворным текстом, выражая полное своё несогласие. И тогда мы все вместе приходим к решению назвать его Егором — в честь моего деда.

…Вспоминаются наши частые совместные прогулки в Барвихе, дачном посёлке под Москвой. Л.И. совсем другой: тёплый, мягкий, домашний. Играет в интеллектуальные игры с моими детьми. Смеётся над замечанием моего маленького сына, который, после тщательного изучения лица Л.И. с

«нижины» своего роста заявляет: «Нет, всё-таки у Вас ужасно большой нос».

...А вот страшный эпизод. Мы, подали заявление на выезд в Израиль, потеряли работу и уже пятый год находимся в «отказе». Неожиданно, по телефону меня вызывают немедленно явиться в КГБ и сообщают, что мой муж уже там, у них. Я — в ужасе. Дрожащими руками хватаюсь за сумку, за пальто… не понимаю, что делать… Звоню Ройзманам. И, боясь по телефону назвать вещи своими именами, произношу трясущи мися губами, изображая «весёлую» интонацию: «Лариса Васильевна, мне придётся ненадолго поехать в одну организацию недалеко от вас. Мои мальчики скоро придут из школы». И Лариса Васильевна, тут же поняв, в чём дело, произносит лишь одну фразу: «Не беспокойтесь ни о чём, я всё поняла. Мы позаботимся о ваших детях».

...После 9-ти лет ожиданий разрешения на выезд, получив очередной отказ, я прямо из ОВИРа[1] в полубредовом состоянии еду в Барвиху, побыть одной, повыть без свидетелей. Пробыв в лесу часа два, всё ещё не могу прийти в себя и вернуться домой. Отправляюсь к Ройзманам. Чтобы «разбавить» печальную новость, рассказываю ему, что по дороге в Барвиху меня остановил гаишник, хотел за превышение скорости сделать прокол в талоне, но, увидев до какой степени я расстроена, сменил гнев на милость и начал провоцировать меня просить прощения. Мне же хотелось как можно скорее оказаться одной. На его многократное: «Что же мне с вами делать?» сначала я попросила: «Сделайте поскорее прокол и отпустите меня», затем раздражённо добавила: «Сколько я вам должна?». Вдруг слышу свой голос: «Меня ласкать надо!». Молоденький гаишник в растерянности отдаёт мне документы. Л.И., полный сочувствия ко мне, подыгрывает: «Что же Вы, Фирочка, за пять лет консерватории ни разу не попросили ***меня*** *приласкать Вас?!» К тому времени я уже призналась ему, что ревела после каждого его урока.*

...Последнее письмо Л.И., посланное нам уже в Канаду, полно тревоги за нас и желания подбодрить, поддержать. Его интересуют все подробности нашей жизни: бытовые, рабочие и, особенно, учебные дела нашего сына Егора. Дело в том, что по совету Л.И., ожидая канадскую визу в Италии, мы обратились к М.Л. Ростроповичу с просьбой послушать Егорушку (ему

[1] ОВИР — Отдел виз и регистраций — организация, занимавшаяся регистрацией иностранцев и оформлением выездных документов.

было 13 лет). Л.И. перед нашим отъездом из Москвы снабдил нас замечательным рекомендательным письмом к нему. Ростропович, прослушав, посоветовал везти сына к Юлию Туровскому (так мы оказались в Канаде) и не реагировать на разные приглашения для юного виолончелиста из Вены, Италии, Испании. Отметая, в том числе и школу Менухина, Ростропович сказал, обращаясь ко мне: «Свушай, ста'уха, он будет там как собака — научится понимать всё, но не будет знать, как это сказать…».

…Занимаясь со своими учениками, я часто вспоминаю эпизоды из моей студенческой жизни:

…Остановив игру одной ученицы, явно недовольный её отношением к делу, Л.И. выдавливает из себя с расстановкой: «Деточка, …если, занимаясь дома на рояле, вы понимаете, что вам… ну никак не работается, надо просто… закрыть ноты и… пойти… в кино». Прекрасно помня эту фразу, я и по сей день чувствую себя почти преступницей, отправляясь в кинотеатр.

В другой раз той же ученице, сыгравшей что-то бледно, вяло: «Саша, ты хоть бы перед уроком «мерзавчик раздавила!».[2]

…1987 год. Мы с Л.И. вдвоём сидим за столом у них дома. Я — мать только что погибшего сына — утешаю плачущего Л.И. Впрочем, в 1975 году я уже видела слёзы на его глазах: мы прощались с ним, уезжая на три года в Эквадор… Вернувшись оттуда, мы опять у них дома — играем с моим мужем сонату Шостаковича для альта и фортепиано. И оба, Лариса Васильевна и Л.И., преувеличенно расхваливают нашу игру — мы только что подали документы на отъезд и снова нуждаемся в положительных эмоциях. А за пару месяцев до этого, когда мучительное решение ещё не было принято, я — безумная после многих бессонных ночей — прибежала к ним в пять утра, и они с полным пониманием отнеслись к моему раннему визиту.

…В этой же квартире на одном из дней рождения моего учителя при большом количестве гостей — бывших и настоящих учеников Ройзмана, наш младший девятилетний сын, пришедший туда прямо с урока виолончели, вдруг, к моему ужасу, сам вызвался сыграть только что разобранную сонату Вивальди, причём все части. Л.И. одобряет: «Настоящие

[2] На языке российских выпивох «раздавить мерзавчик» означает употребить содержимое маленькой водочной бутылочки (0,25 литра).

музыканты всегда играют сонаты целиком!». Аккомпанировать взялся Рувим Островский — тогда выпускник музыкального училища, ученик Ларисы Васильевны. (Недавно по моему приглашению Рувим — теперь педагог Московской консерватории — в очередной раз концертировал в Монреале. На сей раз они с Егором впервые играли вместе. Оба сокрушались, что для репетиций у них было только два дня. Я пошутила: «Ничего подобного! Вашему стажу совместной игры уже больше тридцати лет!»).

В моей жизни, как видимо и в жизни многих других, Л.И. Ройзман сыграл исключительную роль. При всём моём почтении и трепетном отношении к нему при его жизни я только сейчас осознаю, как много он значит для меня. Я обязана ему многим в человеческом плане и всем — в профессиональном. Работая с учениками или готовясь к концертам, я всё ещё питаюсь его советами. Мне кажется, я понимаю их теперь лучше, чем в молодости.

...Память выбирает главное, очищенное… И это — его чуткая душа, человечность, трогательная заботливость, щедрость, доброта, скрытая за внешней холодностью. Уже прошло более двадцати лет с тех пор, как нет Леонида Исааковича, но ежегодно я возвращаюсь в этот дом, куда приходила со страхом на уроки, откуда выскакивала со слезами после неудачной попытки сыграть «каждой рукой отдельно наизусть» очередную фугу Баха. Там всё тот же порядок, те же рояли, те же обои… А главное — Лариса Васильевна — самый близкий мне человек. И это тоже продолжение общения с Леонидом Исааковичем. Собственно, я всегда их воспринимала как одно целое…